

- Сентябрь - с. 10

«Есть три эпохи у воспоминаний, — писала в «Северных элегиях» Анна Ахматова. — ...и нет уже свидетелей событий, и не с кем плакать, не с кем вспоминать». Нам посчастливилось: свидетели событий ее жизни есть. Многие из них живы, и нам есть «с кем плакать», есть «с кем вспоминать», читая только что вышедшую в свет книгу стихов, мемуаров, эссе о поэте, любовно собранных составителем книги М. Кралиным.

На обложке этого сборника — теневой силуэт профиля А. Ахматовой начала века, на форзаце книги — вытравившее из черного фона лицо Анны Андреевны, стихи. На контртитule воспроизведен рисунок А. Модильяни (1911), неизменно сопровождавший поэта во всех его странствиях и переездах...

Что говорить, с большой любовью к Ахматовой была проделана работа по составлению и оформлению книги! Фото документов, титульных листов уничтоженных книг Ахматовой перемежаются с автографами стихов и фотографиями и портретами литераторов до- и послереволюционных лет. Большинство мемуаров опубликовано впервые.

Открывая книгу, вы погружаетесь в земные перипетии судьбы одной из величайших творческих личностей первой половины XX века. Валерия Срезневская рассказывает о детских годах Ахматовой — Анечки Горенко. И хотя сама Ахматова писала об этом периоде позже, что «себе самой» она казалась «чьим-то сном», — все выглядит предметно и ярко в том первом слое воспоминаний, куда попадает читатель, знакомясь с детством и отрочеством поэта. Проходят портреты деда, родителей; вот юный щеголеватый Николай Гумилев, круглолицая Аня Горенко в легкой летней шляпке; вот она — гимназистка, вот в кругу семьи Горенко в Киеве 1909 года. Но время движется и здесь, и перед нами — предисловие М. Кузьмина к первой книге А. Ахматовой «Вечер».

«...Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами. ...какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако, как беличья шкурка, в небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), ...брошенный и забытый, но именно от этого упоминания бо-

ЧЕТВЕРТАЯ «ЭПОХА ВОСПОМИНАНИЙ»

лее осязаемый укол, более сладостный ряд мы чувствуем... Итак, сударины и судари, к нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим поэтом».

Ахматова позднее напишет об этом времени ее петербургского триумфа:

*Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»*

Продолжает ряд воспоминаний рецензия на творчество Ахматовой Н. В. Недоброво, появившаяся в 1915 году в № 7 «Русской мысли» после выхода ее второго сборника стихов «Четки».

«Не из ритмов и созвучий состоит поэ-

зия, — пишет Н. В. Недоброво. — но из слов: из слов уже затем, по полному соответствию с внутренней их жизнью...». Далее следует обстоятельный разбор не только творчества поэта, но самого принципа стихосложения, свойственного «голововедению» молодой Ахматовой: «...все работает в словообразовании и в соразмерности с другим. ...бережение средств таково, что сделанное ритмом уже не делается... значением», «Ее слушаешь, как благовест; ...и полнишься тем романтическим чувством к настоящему, в котором так привольно расти не пригнетенному человеко-ненавистничеством духу».

В скульптурной монументальности воссоздает образ Ахматовой Георгий Иванов.

В его изображении она уже принадлежит истории мировой культуры. Однако книга «Петербургские зимы» (1928), главы из которой (но более позднего издания) публикуются здесь, самой Ахматовой не пришлась по душе. Тем не менее, как мне представляется, эти зарисовки — один из лучших литературных портретов Анны Андреевны.

Продолжают этот замечательный ряд мемуары Георгия Адамовича. Безусловно, достойны читательского внимания главы из книги Н. Павлович «Невод памяти». Воспоминания в сборнике то дополняют друг друга, пересекаясь на одних и тех же событиях, то спорят, опровергая одно другое. Но тем богаче оттенки и подробности. И. Э. Эвентов рассказывает об отношении А. Ахматовой к творчеству В. Маяковского, сообщая и об отзывах Маяковского о стихах Ахматовой.

Где-то здесь и заканчивается второй слой воспоминаний и начинается третий, о послевоенном житии поэта. Скульптор В. Астанов повествует в «Сеансах в Комарове» о работе над бюстом А. Ахматовой; А. Гозенпуд — о переводе ею с украинского лирической драмы И. Франко «Увядающие листья».

Переводчик И. Ивановский «наблюдал, с каким убеждением и тончайшим искусством творила Ахматова собственную легенду...». «В колдовском котле постоянно кипело зелье из предчувствий, совпадений, собственных примет, роковых случайностей, тайных дат, невест, трехсотлетних пустяков». Как тут не вспомнить ее строки о раннем предчувствии своей судьбы:

*И чем сильнее они меня хвалили
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить...*

И еще:

*Меня как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другом русле,
Мимо другого потекла она...*

Именно «послевоенная волна» воспоминаний убеждает в том, что Анна Горенко спокойно и трудно творила прекрасный образ поэта Анны Ахматовой. «Путь Анны Андреевны, — пишет Г. Макогоненко («...Из третьей эпохи воспоминаний»), — завершился... Путь Анны Ахматовой к людям только начинается». Да, три эпохи ее воспоминаний кончились, и началась четвертая «эпоха воспоминаний» — о ней.

И. ВОРОНЦОВА